

Достоевский в творческой лаборатории Д. Хармса

Аннотация. Творчество Достоевского еще при жизни классика обрело статус национального культурного явления. Феномен Достоевского стал источником вдохновения многих писателей. Среди них оказался и Даниил Хармс. Один из самых известных представителей русского абсурдизма непосредственно обращался к Достоевскому, о чем свидетельствуют многочисленные литературные аллюзии. Но с Достоевским Хармс вел своеобразный диалог и опосредованно, через воспоминания о нем.

Ключевые слова: *Достоевский, Хармс, интертекстуальность, абсурд, мемуары.*

Творчество Д.И. Хармса не раз становилось объектом изучения в контексте его литературных связей, что оправдано хотя бы в том смысле, что художественный метод модернизма, в рамках которого работал писатель и поэт, априори предполагает интертекстуальность. Поиск реминисценций из классиков отечественной и зарубежной литературы в художественном наследии Хармса стал давно уже привычным делом среди хармсоведов. В итоге, говоря о писателях, отсылки к которым обнаруживаются в творчестве Хармса, можно очертить определенный устойчивый круг, в который, наряду с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем и еще многими другими классиками, безусловно, входит Достоевский. Это тем более справедливо, что некоторые произведения Хармса (например, повесть «Старуха») созданы в рамках петербургского текста, одним из создателей которого и является автор «Бесов», «Братьев Карамазовых», «Преступления и наказания».

Стоит отметить, что сам Хармс, составивший в середине 1930-х гг. список наиболее значимых для себя писателей, включил в них и

Достоевского¹⁷. Дневниковые записи при этом свидетельствуют о том, что Хармс не просто высоко ценил творчество Федора Михайловича, но и глубоко прочувствовал его «нерв». Так в июне 1933 г. Хармс пишет: «Величина творца определяется не качеством его творений, а либо количеством (вещей, силы или различных элементов), либо чистотой. Достоевский огромным количеством наблюдений, положений, нервной силы и чувств достиг известной чистоты. А этим достиг и величия»¹⁸. Как видно, после довольно неуклюжей первой части высказывания (а все же – что такое «качество»?), которая представляет собой попытку сформулировать критерий величия, что является важным мотивом в творчестве Хармса, следует вторая, в которой, с одной стороны, описывается художественный метод Достоевского (огромное количество наблюдений, положений, нервная сила), а с другой – его результат – чистота – еще один из ведущих мотивов в творчестве Хармса.

Достоевский окружал Хармса непосредственно (интертекстуальность), через книги, и опосредованно. В первом случае надо говорить о прямых отсылках Хармса к Достоевскому, к конкретным его произведениям. Из эпистолярного наследия Хармса, дошедшего до нас, становится известным, что из Достоевского было прочитано им безусловно. Так в 1926 г. Хармс делает следующую запись: «На 12 мая 1926 г. с 7 ч. веч. – 10 читать Достоевского Село Степанчиково»¹⁹. Осенью этого же года Хармс упоминает «Дядюшкин сон» в связи с инсценировкой этого произведения П. Лешковым в Академическом театре драмы²⁰. В декабре 1929 г. Хармс начинает читать «Братьев Карамазовых»²¹, а осенью 1933 г. он собирается приняться за «Бесов» и также делает об этом запись²².

Помимо каких-то прямых отсылок к текстам Достоевского на уровне мотива, сюжетного хода, персонажа и т.д., которые обнаруживаются непосредственно при чтении произведений Хармса, можно говорить и об уровне более высоком. Будучи представителем литературы абсурда, Хармс, надо полагать, ценил художественные находки Достоевского, связанные как раз с созданием аномальных ситуаций в рамках художественного действия. При этом у Достоевского абсурд, создаваемый снами, нелепостями, странностями в поведении персонажей, их сумасшествием и проч., с одной стороны, является данью гоголевской традиции, а с другой — самостоятельным приемом, с помощью которого достигается и бóльшая психологизация персонажей, и динамика в развитии действия. Это все справедливо и в отношении абсурда Хармса, что кажется очевидным и на что уже было обращено внимание. Так, В.В. Мароши в своей работе об отношении Хармса к Л.Н. Толстому, разбирает эпизод «Истории Сыгр Аппра»: «Тут вдруг Петр Павлович наклонились к профессору и откусили ему ухо»²³. Исследователь делает очень точное

¹⁷ Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: в 2 кн. Кн. 2. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 191.

¹⁸ Там же. Кн. 1. – С. 447.

¹⁹ Там же. – С. 69.

²⁰ Там же. – С. 94.

²¹ Там же. – С. 314.

²² Там же. Кн. 2. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 45.

²³ Хармс Д.И. Цирк Шардам: собрание художественных произведений. – СПб: Кристалл, 2001. – С. 214.

замечание: «Жест хармсовского героя можно счесть цитатным»²⁴ и указывает на источник «цитаты» – это знаменитая сцена «помешательства» Николая Всеволодовича Ставрогина из «Бесов»: «Nicolas слушал с досадой и с нетерпением. Вдруг как бы что-то хитрое и насмешливое промелькнуло в его взгляде.

– Я вам, пожалуй, скажу, что побуждает, – угрюмо проговорил он и, оглядевшись, наклонился к уху Ивана Осиповича <...> Бедный Иван Осипович поспешно и доверчиво протянул свое ухо; он до крайности был любопытен. И вот тут-то и произошло <...> невозможное, а с другой стороны, и слишком ясное в одном отношении. Старичок вдруг почувствовал, что Nicolas, вместо того чтобы прошептать ему какой-нибудь интересный секрет, вдруг прихватил зубами и довольно крепко стиснул в них верхнюю часть его уха <...>

– Nicolas, Nicolas! – простонала опять жертва, – ну... пошутил и довольно...

Еще мгновение, и, конечно, бедный умер бы от испуга; но изверг помиловал и выпустил ухо» [X; 42-43]. Действительно, аллюзия на текст Достоевского кажется очевидной. И комментаторы уже указывали на Достоевского, как одного из источников текста Хармса. Так, в комментариях к изданию «Цирк Шардам» было отмечено: «ср. с аналогичными “литературными” происшествиями: у Гоголя в “Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” и в “Бесах” Достоевского»²⁵. Однако текст Хармса был написан весной 1929 г., а дневниковую запись о намерении прочитать «Бесов» он сделал только в 1933 г. Безусловно, глагол «прочитать» можно трактовать (особенно с учетом специфики «грамматики» Хармса) и как «перечитать». Или предположить, что Хармс где-то услышал об этом эпизоде из романа Достоевского. Однако, думается, текст Хармса «вырос» не столько из романа Достоевского, сколько из общей логики хармсовского художественного мира, выстроенного на общелитературных принципах абсурда.

Однако можно говорить и об опосредованном влиянии Достоевского на поэтику Хармса, которому повезло пообщаться с людьми, знавшими классика. Например, Хармс был слушателем чтений воспоминаний о Достоевском художника А.П. Эйслера летом и осенью 1933 г.²⁶ Был Хармс знаком и с другой мемуаристкой – Екатериной Павловной Султановой. Так, в 1934 г. Хармс делает запись: «Съездить к Султановой»²⁷. Ей принадлежат воспоминания, посвященные Достоевскому, которые в 1932 г. были опубликованы в сборнике материалов и документов по истории литературы «Звенья». А под именем «Ек. Леткова» она разместила очерк «О Ф.М. Достоевском. Из воспоминаний». Некоторые из моментов мемуаров представляют собой большой интерес как раз с точки зрения «присутствия» Достоевского в творческой лаборатории

²⁴ Мароши В.В. К генезису нарратива абсурда // Критика и семиотика. – 2006. – №10. – С. 110.

²⁵ Сажин В.Н. Примечания // Хармс Д.И. Цирк Шардам: собрание художественных произведений. – СПб.: ООО Кристалл, 2001. – С. 941.

²⁶ Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. Кн. 2. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 21, – С. 43.

²⁷ Там же. – С. 181.

Хармса. Так, Султанова вспоминает о том, как Достоевский относился к своим произведениям: «Главное, не начинайте печатать вещь, не дописав ее до конца... До самого конца. Это хуже всего. Это не только самоубийство, но и убийство»²⁸. Интересно, что осенью 1933 г. Хармс делает свою знаменитую запись «О производительности», в которой рассуждает о писательстве: «Не надо путать плодовитость с производительностью. Первое не всегда хорошо; второе хорошо всегда.

Мои творения, сыновья и дочери мои. Лучше родить трех сыновей сильных, чем сорок, да слабых. Не путай производительность и плодливость. Производительность – это способность оставлять сильное и долговечное потомство, а плодливость – это только способность оставлять многочисленное потомство, которое может долго жить, но однако может и быстро вымереть»²⁹.

Интересно, что воспоминания Султановой вышли в 1932 г., а в 1933 Хармс собирается читать «Бесов». Этот роман неоднократно упоминается в мемуарах Султановой, причем в контексте его критического восприятия «прогрессивной» молодежью 1880-х гг.: «<...> я забыла про различие направлений и политических идеалов, о которых так много говорилось у нас на Высших курсах среди молодежи, забыла о “Бесах”, которых мы все ненавидели»³⁰. Примечателен еще один пассаж, связанный со знаменитой речью Достоевского 8 июня 1880 г. на публичном заседании Общества любителей российской словесности: «Но, право, не все, далеко не все, одинаково восприняли вдохновенно сказанные слова, прозвучавшие в этом зале с такой неслыханной до того времени художественной мощью. Речь была так сказана, что тот, кто сам не слышал ее, не сможет объяснить произведенного ею впечатления на большинство публики. Но была и другая часть, вероятно, меньшая, та левая молодежь, которая сразу встала на дыбы от почти первых же слов Достоевского. Отчасти этому содействовало, может быть, то, что Достоевский явился на Пушкинский праздник не как писатель Достоевский, один из славных потомков Пушкина, а как представитель Славянского благотворительного общества. Это, может быть, создало предвзятую точку зрения, так как – повторяю – молодежь в то время непрерывно вела счеты с Достоевским и относилась к нему с неугасаемо критическим отношением после его “патриотических” статей в “Дневнике писателя”. О “Бесах” я уже и не говорю»³¹.

По воспоминаниям писательницы, «лакмусовой бумажкой на порядочность» было отношение того или иного человека к «еврейскому вопросу». Вот здесь Достоевский подвергался очень серьезному осуждению из-за своей позиции в «Дневнике писателя»: «“Жид, жидовщина, жидовское

²⁸ Леткова-Султанова Е.П. О Ф.М. Достоевском. Из воспоминаний // Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Т. 1. – М. – Л.: Academia, 1932. – С. 464.

²⁹ Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. Кн. 2. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 179.

³⁰ Леткова-Султанова Е.П. О Ф.М. Достоевском. Из воспоминаний. – С. 462.

³¹ Там же. – С. 469.

царство, жидовская идея, охватывающая весь мир” Все эти слова взрывали молодежь, как искры пороха»³².

Неизвестно, знаком ли был Хармс с работой Султановой, неизвестно и содержание его беседы с писательницей. Но если мемуаристка была в разговоре с ним так же открыта и честна, как и в своих литературных воспоминаниях (выражая безмерное уважение к гению Достоевского и не менее безмерное сочувствие к его судьбе, с одной стороны, и не принимая политические и религиозно-культурные воззрения, с другой), то антисемитские взгляды Достоевского Хармсу явно не могли понравиться, поскольку он был убежденным юдофилом. Однако никакой литературной мести со стороны обэриута не было.

В отличие от многих писателей разного масштаба (например, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой, К.А. Федин, О.Д. Форш, В.И. Стенич и др.), выведенных Хармсом в пародийном, комическом, сатирическом, а порой и в откровенно издевательском виде, Достоевский в текстах Хармса не фигурирует. Другими словами, Достоевский, в отличие от многих литераторов, не стал персонажем хармсовских текстов, и в то же время, в отличие от тех же многих литераторов, неизменно был участником творческого и философского диалога.

F.V. Kuvshinov

Dostoevsky in Kharm's creative laboratory

Abstract. The work of Dostoevsky acquired the status of a national cultural phenomenon during his lifetime. The phenomenon of Dostoevsky became a source of inspiration for many writers. Among them was Daniil Kharm. One of the most famous representatives of Russian absurdism turned directly to Dostoevsky, which is proved by numerous literary allusions. But Kharm also had a kind of dialogue with Dostoevsky indirectly, through his memories of him.

Keywords: Dostoevsky, Harms, intertextuality, absurdity, memoirs.